

Советская экономическая модель и Косыгинская реформа 1965 г. в оценке западной советологии

Лаптева Елена Васильевна

Д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры «Экономическая история и история экономических учений»
Финансового университета

E-mail: ella-7@yandex.ru

Статья посвящена отображению советской экономической модели и экономической реформы 1965 г. в западной, в частности, англо-американской советологии. Автор кратко останавливается на основном содержании советской экономической реформы 1965 г., ее судьбе и поясняет, почему этот отрезок советской экономической истории вызвал пристальный интерес западных исследователей.

Описывая исследования западных ученых, автор акцентирует внимание читателей на том, что реальная статистика советской экономики, цифры и события были закрыты как для западного исследователя, так и для рядового советского жителя. В основном, к работам западных исследователей-русистов относились как к намеренной фальсификации.

Не все работы западных специалистов были равнозначными. Наиболее реалистичная картина, отображающая процессы и факты советской послевоенной экономики, представлена в работах эмигрантов из СССР — экономистов И. Бирмана и А. Каценеленбогена Их выводы, изложенные в научных трудах, могли быть озвучены в советской научной литературе лишь под грифом «критика буржуазных теорий».

Указывается, что анализ советской экономики был произведен западной советологией в основном с позиций компаративизма. Выдвигались следующие теории: «неудачного соединения» (Я. Корнаи), «административной экономики» (Р. Кембелл) и др.

В статье делается акцент на работах А. Бергсона как наиболее квалифицированного специалиста, адекватно отобразившего советскую экономическую реальность 1960–1970-х гг. Указывается, что его работы были профинансированы в рамках проекта, осуществлявшегося по заказу ЦРУ.

Долгие годы западная советология считалась априори намеренной фальсификацией советской истории. И лишь доступ к реальным цифрам и фактам советской экономической действительности послевоенного периода позволил по-новому оценить ее анализ, научность и объективность.

Ключевые слова: директива, командно-административная модель, концепция, план, решение, советология, теория, управление, экономическая реформа.

Soviet Economic Model and Kosygin Reform 1965 in the Evaluation of Western Sovietology

Lapteva Elena Vasil'evna

Ph.D. (History), Associate Professor, Professor, «Economic history and History of economic doctrines» Department,
Financial University

E-mail: ella-7@yandex.ru

Article is devoted to reflection of the Soviet economic model and economic reform of 1965 in the western, in particular, Anglo-American Sovietology. The author briefly stops on the main maintenance of the Soviet economic reform of 1965 and its destiny and explains why this piece of the Soviet economic history I caused fixed interest of the western Sovietology. Describing researches of the western Sovietology, the author focuses attention of readers that real statistics of the Soviet economy, figures and events, were closed both for the western researcher, and for the ordinary Soviet inhabitant. Generally to works of the western Sovietology treated as intended falsification.

Not all works of the western experts were equivalent. The most realistic picture displaying processes and the facts of the Soviet post-war economy is presented in works of emigrants from the USSR - I. Birman's (Igor Birman) economists of A. Katsenelenbogen (Aron Katsenelinbogen). Their conclusions stated in scientific works could be sounded in the Soviet scientific literature only under a signature stamp of «the critic of bourgeois theories».

The author specifies that the analysis of the Soviet economy was made by the western Sovietology generally from comparativistic perspective. In the course there were theories of «unsuccessful connection» (Ya. Kornai), «administrative economy» (R. Campbell), etc.

In more detail the author stops at works of A. Bergson who considers as the most qualified specialist who adequately displayed the Soviet economic reality of the 1960-70th. Speaking about success of works of A. Bergson, the author specifies that his works relied on broad financing within the project which was carried out by request of CIA. For many years the western Sovietology was considered a priori as intended falsification of the Soviet history. And only access to real figures and the facts of the Soviet economic reality of the post-war period allowed to estimate in a new way its analysis, scientific character and objectivity.

The article is constructed on original historical material and can be interesting to a wide range of readers.

Keywords: command-administrative model, direction, economic reform, management, concept, decision, plan, sovietology, theory.

Советской экономической реформе 1965 г., получившей название Косыгинской, в 2015 г. исполняется 50 лет. За прошедшие полвека историкам представилась возможность неоднократно оценить это масштабное явление, его замысел, содержание и последствия. Обратимся к фактам и исторической оценке.

Впервые основные идеи реформы были обнаружены в статье профессора Харьковского инженерно-экономического института и Харьковского государственного университета Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия» в газете «Правда» (1962) и его докладе «О совершенствовании планирования и материального поощрения работы промышленных предприятий», направленном в ЦК КПСС. Статья положила начало общесоюзной экономической дискуссии в прессе и ряду экономических экспериментов, подтвердивших эффективность предложенных мероприятий. В западной прессе и советологии концепция реформ получила название «либернизм».

Экономическая реформа 1960-х гг. была призвана возродить материальный интерес к производству, прежде всего в сельском хозяйстве. Были повышены закупочные цены на сельхозпродукцию, установлен твердый план и надбавки за его перевыполнение, увеличены капиталовложения в деревню. Реформировано управление промышленностью, введены меры экономического стимулирования (пленумы ЦК КПСС 1965 г.) — хозрасчет, отраслевое управление, увеличение местной инициативы и т.д. Полученные средства предполагалось использовать в строительстве новых промышленных предприятий, жилищном строительстве и вложениях в деревню. Но уже в 1970-е гг. начинается спад. Реформа была потихоньку свернута, консервативная верхушка руководства покончила с остатками хозяйственной самостоятельности.

О содержании реформы, ходе ее реализации, цифрах и результатах написано много, и можно

продолжать исследование этого масштабного историко-экономического события в разных ракурсах достаточно долго.

Характерно, что в ходе проведения экономической реформы 1965 г. в СССР оживился интерес западных советологов к советской экономической модели. В 1960–1970 гг. появляются многие работы английских и американских авторов, которые, анализируя советскую действительность, на основании этого анализа создают новые теории, выдвигают собственные модели советской экономики [1]. Кроме того, в этот период появилось немало работ, посвященных конкретным фактам развития экономики СССР [2].

Оценка советских экономических событий второй половины 1960–1970-х гг. стала присутствовать в работах западных авторов, даже если они не занимались специальными исследованиями в области экономической истории. О событиях экономической реформы писали историки, политологи, культурологи, философы, социологи и другие специалисты в области гуманитарных наук. Все это говорит о том, что изменения в советской экономической системе, вызванные реформой 1965 г., были серьезным вызовом западной науке, потребовавшим адекватного отображения в научной литературе. Еще не забыт был хрущевский лозунг о стремительном росте успехов СССР, который позволит в скором времени оставить США — страну мирового гегемона — за бортом. Быстрые успехи советской экономики второй половины 1960-х гг., цифры и события «золотой пятилетки» заставили внимательно пересмотреть старые конструкции и провести новый анализ советской действительности.

Западные специалисты постоянно стояли перед задачей адекватной оценки советской экономики в целом, достаточно объективного сравнения экономических систем «загнивающего» капитализма и

«развитого» социализма (термины взяты из советских идеологических оборотов).

Необходимо помнить, что советская экономика была изолирована от Запада и от мировой экономики, значительная часть нашей статистической информации была засекречена, а публиковавшаяся статистика фальсифицировалась для нужд партийной идеологии и пропаганды. Об этом, оценивая исследования западных специалистов, пишет В.М. Кудров [3].

Советологи в 1960-х — первой половине 1980-х гг. вынуждены были обрабатывать массу сведений, полученных из прессы, официальных статистических отчетов, экономической литературы, в целях получить реальные факты, которые можно было сравнивать с официальными цифрами западной, в частности американской, экономики. Наиболее реалистичная картина представлена в работах эмигрантов из СССР — экономистов И. Бирмана и А. Каценеленбогена. Их выводы, изложенные в научных трудах, могли быть озвучены в советской научной литературе лишь под грифом «критика буржуазных теорий» и «разоблачение западной фальсификации советской экономики». Об этом можно судить по названиям работ отечественных авторов второй половины 1960—1980-х гг., например С.А. Хавиной [4] и др.

Парадоксально, но многие научные термины, применимые к оценке советской модели экономики, были впервые использованы западными советологами. Так, термин «командная экономика», более точно отражающий суть советской экономики, впервые появился не у нас, а в США еще в 1963 г. Он был введен в употребление Г. Гроссманом.

Оценка экономической модели СССР велась в основном с позиций компаративизма. Этот же подход был применен западной советологией при оценке экономической реформы 1965 г. В ходу были несколько основных моделей и теорий.

Одну из теорий (а также массовых, распространенных точек зрения специалистов различных отраслей гуманитарного знания) можно назвать теорией «неудачного соединения», согласно которой в середине 1960-х гг. был осуществлен не слишком удачный процесс внедрения элементов децентрализации и рыночной экономики в командную модель с ее партийно-бюрократическим диктатом. Существует множество работ, в которых, так или иначе, звучит эта мысль. Например, в работах Я. Корнай присутствует вывод, что «...социалистическая система сама воспроизводит неразрешимые внутренние противоречия и конфликты и ведет себя иррационально» [5]. Именно партия и тотальный бюрократический контроль не эффективны уже изначально, по мнению этого автора.

Советологи выделяли основные реалии советской экономики и общественной жизни, которые делали экономическую реформу с ее рыночными элементами безуспешной для СССР. Кроме партийно-бюрократического диктата это, прежде всего, сохранение приоритета планового хозяйства.

Западные советологи противопоставляли долгосрочную эффективность рыночного механизма хозяйствования и планирование. Например, А. Гершенкрон писал, что темпы и пропорции воспроизводства в социалистических странах устанавливались «...не на экономической, а на плановой основе» [6], тогда как только рыночный механизм спроса и предложения «...образует эффективную систему контроля и корректировки» [Там же]. Без такого механизма установление эффективного механизма функционирования всех сторон хозяйственной жизни невозможно. Планирование как один из главных элементов хозяйствования решительно осуждался западными специалистами [7].

Западные аналитики осуждали такой тип планирования, при котором ресурсы страны были нацелены в основном на достижение целей будущего роста, а не на потребление. «Поскольку целью является максимальный рост, — писал известный американский советолог А. Бергсон, — плановики предпочитают настоящее будущему, потребление — накоплению» [8, р. 7]. При этом ресурсы страны используются без учета выработки в будущем: «...использование ресурсов в СССР вообще не соответствует абстрактным теоретическим принципам, — писал тот же А. Бергсон [8, р. 118]. Он одним из первых на Западе вскрыл наличие реального, хотя и скрытого, инфляционного процесса в СССР, в частности на примере продукции машиностроения. А. Бергсон входил в состав особой исследовательской группы в рамках совместного проекта с Рэнд Корпорейшн, они имели целью сопоставить не только темпы экономического роста СССР и США (и других стран Запада), но и абсолютные объемы производимой продукции в двух странах. Эта группа работала, опираясь на финансирование и задания ЦРУ.

Группа А. Бергсона создала наиболее адекватные работы по изучению советской экономики. Свое исследование профессор А. Бергсон начал еще до войны, и после ее окончания он его расширил, привлек много талантливых ученых, знавших русский язык, и при поддержке Рэнд Корпорейшн в 1950—1960-е гг. опубликовал важные результаты и выводы. Группа А. Бергсона, опираясь на обширный источниковый материал, предоставленный ЦРУ, смогла дать наиболее реалистическую картину советской экономики, представила достаточно точные статистические данные,

которые в ряде случаев были более правдивыми, чем официальная советская статистика. В 1960–1980-е гг. оценки ЦРУ отражали заметное замедление темпов роста не только валового национального продукта и промышленности СССР в целом, но и отраслей тяжелой промышленности СССР (черная металлургия, топливная и химическая промышленность, машиностроение и даже производство электроэнергии). Среднегодовые темпы роста машиностроения с 1951–1965 гг. по 1981–1985 гг. снизились более чем в 3,6 раза — с 7,3 до 2,0%. В легкой и пищевой промышленности замедление темпов роста также было весьма существенным (соответственно с 6,2 до 1,6% и с 8,4 до 1,8% за те же годы).

Кроме А. Бергсона и ученых его группы, большие заслуги в анализе реальных статистических данных советской экономики у У. Наттера, хотя его исследования касаются более раннего периода. Его исследования позволяют увидеть разницу между официальной советской статистикой, пропагандой и реальным положением дел в экономике. Например, он взял набор из более 100 продуктов для невоенных отраслей промышленности и, используя весовую базу разных лет, определил рост промышленности СССР за 1928–1955 гг. в 6 раз, в то время как по официальным данным он составил более чем в 18 раз [9, pp. 58, 127].

Статистика стала в руках западной советологии тем оружием, с помощью которого снимались официальные «доспехи» лжи и украшательства с советской экономики.

Кроме статистики, основными направлениями компаративистских исследований западной советологии были эффективность производства, объем производимой продукции в целом и на душу населения, национальный доход, занятость, валовый национальный продукт (ВНП) и т.д.

В.М. Кудров в своем исследовании упоминает, что в начале 1960-х гг. в США было опубликовано много детальных сравнений объемов капитальных вложений, потребления населения, строительства, выпуска машин и оборудования, основного капитала в СССР и США. Продолжались и сравнения ВНП обеих стран. Так, А. Бергсон опубликовал статью, в которой соотношение ВНП за 1955 г. определено в размере 26% при расчете в рублях и 45% при расчете в долларах, что дает среднегеометрическую величину, равную 35%. В 1972 г. он опубликовал сравнения за 1965 г. Оказалось, что при расчете в рублях соотношение ВНП двух стран составило 35%, при расчете в долларах — 57,5%, а средняя — 45,0%.

Компаративизм в исследованиях экономики постепенно стал приоритетным. Начиная с 1960-х гг. западные советологи проводили компаративистский

анализ в таких областях, как показатели эффективности производства (производительности труда, фондоотдачи, факторной производительности и т.д.), что в СССР делалось лишь частично. Согласно анализу А. Бергсона, неэффективность советской экономики объясняется отсутствием заинтересованности, трудовой мотивации. А в СССР общественная собственность на деле не привела к увеличению степени заинтересованности работника в своем труде. А. Бергсон считал, что социализм не создал собственных рычагов повышения эффективности труда и производства [10]. Практически, писал профессор А. Бергсон, советские рабочие, как рабочие, не ориентируемые свободно, не были заинтересованы ни в зарплате, ни в научно-техническом прогрессе. Директора же советских предприятий стремились лишь к выполнению и перевыполнению планов и удачному рапортованию. В этом отношении А. Бергсон был близок к взглядам представителей еще одной теории — «административной экономики».

Автор теории «административной экономики» Р. Кембелл считал, что успехи советской экономики зависят от усилий бюрократии и объясняются ее ролью в советской экономической системе. Достаточно близкой к этой теории стоит «корпоративная» модель. Ее авторы, П. Грегори, Р. Стюарт, считают, что экономика СССР представляет собой одну большую корпорацию, связанную крепкими партийно-бюрократическими узами. Авторы теории большое значение придают партийному диктату, проявившемуся при планировании, управлении промышленностью, сельским хозяйством, контроле над финансами и т.д. [11]. Авторы теории делают вывод, что корпоративно-бюрократическое управление советской экономикой сделало неэффективным и в итоге невозможным переход к рыночной экономике в рамках социализма.

Большинство компаративистских исследований английских и американских советологов имеет негативно окрашенную наполненность. Создается впечатление, что авторы имеют априори точку зрения, согласно которой, благодаря ряду обстоятельств (диктат партии, засилье бюрократии, плановое хозяйство, отсутствие реальной материальной заинтересованности у трудящейся массы и др.), у советской экономики нет и не может быть положительных моментов. Поэтому из общей массы выбивается работа Р. Эриксона, который, анализируя плюсы и минусы советской экономической системы, акцентировал именно ее сильные стороны. К ее сильным сторонам он отнес ясность и четкость целей, концентрацию ресурсов на заданном направлении, четкую управленческую иерархию. Все это давало запланиро-

ванный эффект на определенном отрезке времени и в рамках заданных простых и ясных для понимания целей. Например, создание тяжелой промышленности, коллективизация, стройки коммунизма, «догнать и перегнать» США. Однако при этом обнаружились такие слабости, как неэффективность производства, отсутствие внутренних стимулов и инициатив, отторжение научно-технического прогресса. Постепенно центр терял контроль над разбухавшей экономикой, и она, в конце концов, развалилась в результате исчерпания своего ресурса, внутренней «несрабатываемости».

Большинство из авторов, посвятивших свои исследования советской экономической системе и судьбе экономической реформы 1965 г., являются университетскими учеными. Они получали гранты правительства, являлись правительственными консультантами, выполняли работы по заказу ЦРУ. Эти факты, учитывая относительно недавнюю «охоту на ведьм» сенатора Джозефа Маккарти, делали негативные оценки советской экономики и перспектив ее вхождения в рыночное пространство неизбежными.

Время показало, что в работах западной советологии содержались чрезвычайно ценные факты, цифры, являвшиеся результатом пристального и глубокого анализа. Этот материал позволяет нам сегодня по-новому взглянуть на страницы истории отечественной экономики в целом и понять судьбу Косыгинской реформы 1965 г. Притянутые и фальсифицированные цифры развития советской экономики понятны — экономическое соревнование двух систем набирало ход, и партийно-бюрократическая элита обязана была знакомить народ лишь с «победными» результатами. И только спустя десятилетия более ясной и прозрачной становится картина развития советской экономики послевоенного периода. Во многом это произошло благодаря тому, что до нас дошли исследования западной советологии, сделанные в это время. Не все они имеют равную цену, факт идеологического давления присутствует и в них. Тем не менее ценность работ западной советологии для получения всей полноты сведений о нашей экономической истории очевидна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abram B., Erlich A., Levine H.S., Nutter G.W., Welhsz S., Roberts H.L. Soviet Economic Performance and Reform: Some Problems of Analysis and Prognosis // *Slavic Review*, 1966. Vol. 25. № 2. P. 222–246.
2. Katsenelinboigen A. Conflicting Trends in Soviet Economics in the Post-Stalin Era // *Russian Review*, 1976. Vol. 35. № 4. P. 373–399.
3. Кудров В.М. Крах советской модели экономики. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 223 с.
4. Хавина С.А. Критика буржуазных взглядов на закономерности социалистического хозяйствования. М., 1968.
5. Kornai I. *The Socialist System: The Political Economy of Socialism*, Oxford, 1992. P. 672.
6. Gershenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspectives*. Princeton, 1961. P. 278.
7. Ellman M. The Fundamental Problem of Socialist Planning // *Oxford Economic Papers*. 1978. Vol. 30. № 2. P. 152–159.
8. Bergson A. *The Economics of Soviet Planning*. New Haven FF, 1964. P. 411.
9. Nutter W. *Growth of Industrial Production in the Soviet Union*. Princeton, 1962. P. xxvii, 706.
10. Bergson A. *Planning and Performance in Socialist Economies*. Boston, 1989. P. 304.

REFERENCES

1. Abram B., Erlich A., Levine H.S., Nutter G.W., WelhszS., Roberts H.L. Soviet Economic Performance and Reform: Some Problems of Analysis and Prognosis. *Slavic Review*, 1966. Vol. 25. №2. P. 222–246.
2. Katsenelinboigen A. Conflicting Trends in Soviet Economics in the Post-Stalin Era. *Russian Review*, 1976. Vol. 35. № 4. P. 373–399.
3. Kudrow V.M. *Krakh sovetskoy modeli ekonomiki* [The collapse of the Soviet economic model]. Moscow, Moscow public science Foundation Publ., 2000. 223 p.
4. Havina S.A. *Kritika burzhuaiznykh vzglyadov na zakonomernosti sotsialisticheskogo khozyaystvovaniya* [Critique of the bourgeois views of the laws of socialist economic management]. Moscow, 1968.
5. Kornai I. *The Socialist System: The Political Economy of Socialism*, Oxford, 1992.672 p.
6. Gershenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspectives*. Princeton, 1961.278 p.
7. Ellman M. *The Fundamental Problem of Socialist Planning*. *Oxford Economic Papers*, 1978. Vol. 30. № 2. P. 152–159.
8. Bergson A. *The Economics of Soviet Planning*. New Haven FF, 1964.411 p.
9. Nutter W. *Growth of Industrial Production in the Soviet Union*. Princeton, 1962. P. xxvii, 706.
10. Bergson A. *Planning and Performance in Socialist Economies*. Boston, 1989. 304 p.